

— О чем он говорил с Наставником? — спросил Чу Цзиньсяо, как только гость удалился.

Нин Цзи, сжимая в руке яйцо, равнодушно отвел взгляд:

— Ни о чем. Возвращайся.

Кун Лин, не понимая, что происходит, продолжал притворяться яйцом и был вынужден вновь, с чувством глубокого унижения, отправиться на Пик Разоружения.

Когда наступила ночь, Чу Цзиньсяо наконец ушел. Во Дворе Журавлиного Снега Нин Цзи остался один. Он небрежно бросил на стол яйцо, полученное днем от Бессмертного журавля, и отправился купаться.

Из-за того, что Нин Цзи в прошлый раз самовольно вторгся на территорию, на всем Пике Разоружения были установлены запреты, направленные специально против демонов. Будучи существом с поврежденным культивированием, он обнаружил, что его демоническая ци здесь подавлена настолько, что он едва мог ею пользоваться. Кун Лин рассчитывал, что, как только А-Чу уйдет, он сможет принять человеческий облик и сбежать, но не ожидал, что окажется в ловушке из-за магических печатей.

Он замер на столе, сгорая от досады. Вскоре из-за ширмы донесся шум воды. У Нин Цзи была привычка купаться после любого выхода из дома. Сегодня он долго пробыл у подножия горы и чувствовал себя не лучшим образом. Вернувшись на пик, он позволил слуге-мальчику нагреть воду и, сняв одежды, погрузился в бадью.

Стол из грушевого дерева стоял совсем недалеко от ширмы. Несмотря на преграду, звуки льющейся воды отчетливо доносились до Кун Лина. Тот помрачнел. Почему этот негодяй решил искупаться именно сейчас? Да еще и так надолго! Он попытался перекатиться и отвернуться, чтобы не слышать этого, но разве это помогло бы?

Комната наполнилась теплым паром. Водяная взвесь оседала на ширме, и даже на свежесрезанной ветке персика, стоявшей в вазе, выступили капли. Кун Лин лежал рядом с вазой. Одна из капель упала прямо на него, заставив вздрогнуть, и он, не выдержав, выпустил тонкую нить духовного чувства.

Ладно, просто посмотрю, когда же он закончит! — утешил себя Кун Лин.

Окутав яйцо божественным сознанием, он осторожно выглянул наружу. Нин Цзи лежал в бадье с закрытыми глазами. Капли пота стекали по его лбу, казалось, он спит, но на самом деле он размышлял над словами Су Фэнъяня, сказанными днем:

— Если Достопочтенному не хватит лекарств, пусть обращается к Фэнъяню, я всегда буду

ждать.

Су Фэнъянь испытывал его. Нин Цзи чувствовал холод. Похоже, нужно ускорить поиски способа исцеления от огненного яда. Ему претило чувствовать себя зависимым от других, а зная, что ждет впереди, он, конечно, не собирался вновь попадаться на уловки Призрачного лекаря.

Пока он так размышлял, его длинные ресницы слегка дрогнули. От горячего пара его волосы, влажные и тяжелые, прилипли к бледной коже. В тусклом свете свечей он выглядел пугающе холодным, недостижимым, но вместе с тем — до странности соблазнительным.

Черт! — Кун Лин, увидев эту картину, обомлел.

Тонкая ширма почти ничего не скрывала. Мужчина лежал с закрытыми глазами, одна рука небрежно покоилась на краю бадьи. Его стройная, худощавая фигура, скрытая за дымкой, напоминала картину. Кун Лин не мог думать ни о чем другом. Глядя на него, он почувствовал, как к носу приливает жар. Услышав внутри новые всплески воды, он поспешно отвел взгляд, не смея больше смотреть.

Пар становился все гуще, долгое пребывание в воде не пошло бы Нин Цзи на пользу. Тот поджал губы, еще раз прокрутил в голове план действий и поднялся. Увидев, что он собирается выйти, Кун Лин поспешно откатился на прежнее место.

Нин Цзи накинул белое одеяние, волосы его все еще оставались влажными. Он не спеша вышел из комнаты. Кун Лин уже собирался отозвать духовное чувство, как вдруг уловил тонкий аромат. Он был едва уловим, совсем не похож на дурманящий запах А-Чу; от Нин Цзи веяло ледяным холодом, словно от заснеженных гор. При приближении к нему в голове словно прояснялось.

Кун Лин застыл. Мужчина прошел мимо, даже не взглянув на него. Одинокое яйцо лежало на столе, и Кун Лин не знал, то ли возмутиться, то ли испытать облегчение.

Утром яйцо Бессмертного журавля, испачканное дождевой грязью, обнаружил слуга. На белой скорлупе виднелись следы земли и прилипшие лепестки персика. Мальчик удивленно воскликнул:

— Достопочтенный, это яйцо?

Нин Цзи, услышав его, вспомнил, что вчера принес его с собой. Он нахмурился, с подозрением глядя на грязный предмет, и пояснил:

— Это дитя журавля.

Помолчав, он добавил:

— У меня нет опыта в высиживании яиц. Пусть побудет на горе несколько дней, а потом вернем его.

Голос Бессмертного был безразличен. Слуга наконец понял, почему от яйца исходит аура журавля. Птица всегда любила делать подарки Достопочтенному, стоило ей найти что-то хорошее — сразу несла ему. Раньше это были рыба или фрукты, но кто бы мог подумать, что на этот раз она принесет собственное потомство! Впрочем, когда успела снести яйцо, он даже не заметил. Эта мысль мелькнула и тут же забылась.

Кун Лин, слушая их разговор, помрачнел. Но возразить, что он вовсе не птенец той глупой птицы, он не мог. Пришлось смириться, надеясь, что через пару дней Нин Цзи поймет, что не умеет ухаживать за яйцом, и вернет его обратно.

Слуга взял чистую белую ткань и протер скорлупу, вернув ей прежний блеск. Поскольку это был птенец журавля, он отнесся к делу со всей серьезностью. Очистив яйцо, он вдруг предложил:

— Достопочтенный, может, соорудим для него гнездо?

Гнездо? Нин Цзи замер. Он никогда не задумывался, как живут яйца без родителей. Но идея показалась ему здоровой. На старом дереве перед окном Двора Журавлиного Снега как раз было подходящее место. Он молча кивнул.

Слуга радостно набрал соломы, желая к полудню закончить работу. Видя его усердие, Нин Цзи доверил это дело ему. Так место Кун Лина на Пике Разоружения сменилось: с уютного стола он переехал в гнездо на дереве. Теперь он был не в доме, а на улице.

Кун Лин лишь безмолвно стиснул зубы. Впрочем, после вчерашнего купания Нин Цзи он был готов на что угодно. Пусть будет дерево. По крайней мере, отсюда меньше видно. Затаив дыхание, он позволил слуге переложить себя в гнездо и принялся изо всех сил пытаться прорвать запрет.

Тем временем Су Фэнъянь выпустил змею из рукава в пруд с гу-насекомыми. Наблюдая, как глава Пика Носорожьих Лекарств, Даоцзюнь Яому, с восторгом делает пометки в книге, он почувствовал скуку.

— Фэнъянь, это гу поистине нечто неслыханное, — восхищенно произнес мужчина средних лет, оборачиваясь.

Хотя он был намного старше, в искусстве медицины и ядов он все еще уступал Су Фэнъяню.

Яому искренне преклонялся перед ним.

— Кстати, что ты решил насчет того, о чем я говорил?

Яому уже неоднократно приглашал Су Фэнъяня вступить в секту Юйцин. Если бы такой талант, как он, присоединился к Пику Носорожьих Лекарств, это стало бы огромным подспорьем. Но, к сожалению, тот предпочитал уединение на Утесе Заката и не интересовался мирскими делами, напоминая в этом Нин Цзи с Пика Разоружения. Яому вздохнул, представляя, что было бы, если бы Су Фэнъянь все же спустился с горы...

Су Фэнъянь заметил его разочарование, но лишь покачал головой. Он тихо кашлянул и, налив чаю, улыбнулся:

— Ты же знаешь, я не люблю суету сект.

Будучи целителем, он сам всегда выглядел болезненно бледным. Говорили, что это врожденный недуг, который невозможно излечить. Яому уже привык к отказам, но сегодня он заметил, что Су Фэнъянь в необычно хорошем настроении.

— Что с тобой сегодня? — удивился он. — Ты пребываешь в добром духе с самого утра. Это на тебя не похоже.

Су Фэнъянь сделал глоток горячего чая. В его глазах мелькнул странный огонек:

— Ничего особенного. Просто по пути на гору я встретил Бессмертного Нин Цзи. Кажется, он кого-то ждал на Террасе Сбора Облаков.

Услышав имя Нин Цзи, Яому не удивился:

— О, он? В эти дни новые ученики прибывают в секту, вероятно, пошел выбирать себе кого-то. Видишь, у меня тоже появились новые послушники.

Су Фэнъянь взглянул на соседний стол и действительно увидел таблички с именами новых учеников. Он отвел взгляд и вдруг спросил:

— Не знаешь, как сейчас здоровье Бессмертного Нин Цзи?

Нин Цзи давно страдал от огненного яда. До того как обратиться к Су Фэнъяню, он искал помощи на Пике Носорожьих Лекарств, но безуспешно. Позже Су Фэнъянь сам взялся за его лечение.

Су Фэнъянь спросил об этом как бы невзначай. Хотя у него была репутация человека со странностями, в глазах Яому он оставался добрым врачом. А талантливые целители всегда немного странные. Яому подумал, что Су Фэнъянь просто проявляет профессиональный интерес.

— Раньше он обращался ко мне, но в последнее время — нет, — честно ответил он.

Это совпадало с тем, что знал Су Фэнъянь. В последнее время Нин Цзи лечился только у него. Су Фэнъянь удовлетворенно прищурился.

Однако... вспомнив вчерашнюю сцену, он нахмурился. Вчера Нин Цзи, казалось, был настороже? Тот самый Призрачный лекарь, который позволял журавлю ластиться к нему, расслабленно прикрыв глаза, при появлении Су Фэнъяня тут же изменился в лице. Он словно... разрушил прекрасную картину.

Су Фэнъянь спрятал свои мысли. В памяти всплыл ледяной взгляд Нин Цзи. Словно холодная сталь меча, скользнувшая по осколкам льда и сдавившая горло. В этом взгляде было столько безразличия, но от него веяло таким пугающим холодом, что Су Фэнъянь впервые по-настоящему заинтересовался: что же скрывается за этой маской?

<http://bllate.org/book/19881/1957148>